

УДК 316.752

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.13

**АРХАИЧНЫЕ
ИДЕНТИЧНОСТИ:
ГРАНИЦЫ ВЛИЯНИЯ
НА ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Левашев Дмитрий Николаевич

Соискатель, кафедра философии
и социологии,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия,
e-mail: levashev@mghpu.ru

В представленной статье рассматривается вопрос о влиянии архаичной идентичности как самоопределения, осознания принадлежности к локальной группе с архаичными образцами поведения, стереотипами, образом жизни на правовое поведение россиян. Делается вывод о том, что архаичная идентичность закрепляет установку на избирательное применение правовых норм и способствует становлению частных правовых порядков на уровне регулирования приватной сферы.

Ключевые слова: архаизация правового поведения, архаичная идентичность, локальная общность, стереотип, обычай.

**ARCHAIC
IDENTITIES:
LIMITS OF INFLUENCE
ON LEGAL BEHAVIOR
IN RUSSIAN SOCIETY**

Dmitry N. Levashev

Degree-seeking Student,
Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University,
Maikop, Russia,
e-mail: levashev@mghpu.ru

In the presented article the question of influence of archaic identity as self-determination, understanding of belonging to local group with archaic examples of behavior, stereotypes, a way of life on legal behavior of Russians is considered. The conclusion that archaic identity fixes installation on selective application of precepts of law is drawn and promotes formation of particular orders at the level of regulation of the private sphere.

Keywords: archaization of legal behavior, archaic identity, local community, stereotype, custom.

Введение

Социокультурным фактором архаизации правового поведения является склонность оценивать поведение представителей других культур в системе кодов поведения и ценностей собственной культуры (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013. С. 27). Если воспринимать право как инструмент гражданской идентичности, то архаичные идентичности локализованы, слабо включены в общий политический и культурный контекст и позиционируются утверждением собственного культурного превосходства или изоляционизма.

Рассматривая архаизацию правового поведения, целесообразно выявить влияние идентификационных стратегий россиян на архаизацию правоприменения. Очевидно, что в российском полиэтническом обществе отношение к праву может строиться только через разведение культурного разнообразия и универсализма правовых норм. Важным является допущение, что противоречия между групповыми культурными правами и индивидуальными правами выявляются через преодоление границ локализма, принятие людей с другими культурными установками как своих.

Следует подчеркнуть, что идентификационные стратегии есть категоризация, самопонимание, социальная локализация в пространстве, что приводит к избирательному, селективному отношению к правовым нормам. Иными словами, если правовые нормы могут объединять на основе формальности безличности, то идентичность самоограничивает человека или, напротив, дает сильную или слабую связь с гражданами страны, с большим обществом. Однако важно не только то, чтобы государство обладало общими идеологемами идентичности, требуется выявление тех факторов, которые приводят к воздействию или ослаблению права, к архаизации на уровне тех процессов, где вырабатываются самопонимание и коллективная солидарность.

Идентификационные стратегии россиян

Характерно, что социологические исследования показывают, что восстановление российской идентичности после распада Советского Союза шло достаточно быстрыми темпами: 2002 г. – 63 % россиян избрали ответ «мы – граждане России», 2011 – 95 % (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013. С. 41). Также очевидным является и то, что 72 % россиян ощущают свою общность с гражданами России в значительной степени (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013, С. 41). Другое дело, в чем выража-

ется это ощущение? И здесь можно предположить, что в большей степени с общностью исторической судьбы, с территориальностью. Право в этом смысле имеет только формально закрепляющее значение.

На уровне повседневных практик российского общества можно говорить о том, что самоопределение россиян, хотя и имеет однозначную доминанту российской государственности и идентичности, не может быть квалифицировано как правовое. Ощущая себя гражданами России, на первый план выходят культурно-исторические символы и в меньшей степени гражданские права и свободы. Отношения с государством закладываются в формуле коллективизма (государство – народ) и не связаны с отношением отдельной личности (гражданина) и государства.

Можно также говорить о том, что идентификационные стратегии россиян основаны на том, что при руководстве собственными интересами как сферой индивидуальной свободы влияние государственной идентичности слабеет, а то и исчезает в межличностных практиках. К тому же градация идентичности показывает, что достаточно слабы и непрочны идентичности государственного уровня, в зависимости от той же профессии или взглядов. 47 % россиян подчеркивают, что народы России обладают равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ (Горшков, 2011. С. 276).

Архаизация идентификационных стратегий

Отметим тем не менее, что в определении идентичности право, хотя и не имеет конституирующего значения, идентификационный выбор, определяет диапазоны допустимости правового и неправового поведения и приводит к актуализации правового поведения. Тем самым возникает возможность актуализации архаичных форм, обращенных к обычаю, традиции, истории как свидетельству и групповой сплоченности, и обоснования собственных правовых претензий, а иногда и негодований по поводу ущемлений в правах. Можно говорить о том, что желательной для правового поведения является гражданская идентичность. Можно отметить, что в России она наполнена этническим (дифференцирующим) содержанием.

Хотя активной частью российского общества разделялись ожидания о том, чтобы российская идентичность связала этническую, социальную и политическую идентичности (Конструирование, 2017), и на это были направлены практики правоприменения, табуирующие и нивелирующие межэтническую конфликтность, нельзя говорить с уверенностью о том, что правовое поведение стало восприниматься как

способ сглаживания различий. Наоборот, произошла суверенизация восприятия правовых норм, связанная с тем, что для российского общества важной идеей стало отношение к правовому поведению как к поведению, ориентированному на публичный политический дискурс и соотносимому с принятием государственной идентичности.

Под влиянием социальной конъюнктуры избирательными становятся культурные смыслы, ориентированные на принятие коллективного опыта как опыта прошлых поколений. Характерно, что доминирование российской идентичности как макроидентичности, нацеленной на признание отношений с Российским государством, не предотвращает, не минимизирует ситуацию групповой конкурентности, не переводит ее в правовое русло. Иными словами, россияне чаще готовы представлять себя по отношению к другим как члены определенной группы, чем рассматривать эти отношения в контексте индивидуальных прав и свобод.

Характерно также и то, что, судя по результатам социологических исследований, именно культурные символы (язык, культура, обычаи, обряды) определяют отношение людей к этнической идентичности (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013. С. 423). Общая государственность (25 %) заметно уступает языку (от 68 до 88 %), культуре, обычаю и обрядам. Поэтому для архаизации открывается определенное поле интерпретации, подбора смыслов, связанных с тем, что культура воспринимается как более существенный фактор объединения людей по групповому признаку по сравнению с формальной принадлежностью к государству.

Это в большей степени объясняет ситуацию, в которой открывается простор для толкования культуры, обычая, традиции как архаичных: чем более древними, присущими духу предков, характеризуемыми как духовные выступают коллективные образцы, тем выше степень их привлекательности для возмещения правовых норм, для ссылок на то, что в определенной ситуации необходимо руководствоваться не законом, а обычаем. Кроме того, архаизация идентификационных стратегий выражается в том, что, признавая себя россиянами, сторонниками российской идентичности, полагая, что Российское государство является общим домом, конструируется понятие малого мира, в котором влияние государства на правовом уровне может быть ослаблено или ограничено. Можно констатировать, что такая позиция является следствием индивидуализации поведения населения, испытывающего потребность в осознании и защите своих прав и свобод, но ориентированного на принятие культурной, а не правовой самолегитимации.

Также следует подчеркнуть, что идентификационные стратегии россиян перестали характеризоваться обращением к советскому опыту. Но, однако, это не характеризовалось принятием гражданской идентичности. Выявляется, что архаизация идентичности определяется наличием в обществе культурных образцов, интернализацией кодов, в которых личностные потребности символизируются и становятся руководством к действию, тем, что Т. Парсонс называл метамотивацией. При этом можно говорить, что архаичная идентичность не воспринимается как целостная и может строиться из взаимоисключающих моментов: принятие современных правовых норм сочетается с архаичной оценкой правовых явлений.

Можно также говорить о том, что социальные перемены открывают горизонты для формирования новых солидарностей (идентичностей), и в то же время эти перспективы достаточно ограничены тем, что российское общество не принимает формы идентичности, ориентированной на конструирование новых культурных групп и меньшинств. Заслуживающими поддержки выступают идентификационные состояния, которые связаны с обретением своего через осмысление прошлого. Утверждать, что на Западе кризис идентичностей стал следствием процесса социализации, у нас – следствием прежде всего глубокого общесоциального кризиса (Социальные трансформации в России ... , 2005. С. 342), можно только отчасти.

Архаичные идентичности, которые могут быть представлены как альтернатива макроидентичностям (государственная, гражданская, этническая), определяют дрейф россиян к микроидентичностям, значительно сужающим влияние правовых норм. В частности, это проявляется в том, что архаичные идентичности, хотя и конструируются на уровне субъективной связи, являются идентичностями социального замещения и социального восполнения, могут позитивно акцентироваться в терминах ценности или эмоций. Социальная типизация и категоризация имеют важные последствия для самовосприятия архаичности. Индивид отождествляется с действием, которое оценивается как обычай, как то, что не может быть подвергнуто сомнению и эрозии даже в новых обстоятельствах. Конечно, ориентация на архаизацию может квалифицироваться как знак несовременности, но правовое поведение в российском обществе не является признаком современности и успеха человека, а индивидуализации открывает простор для интерпретации архаизации в позитивном восприятии.

Правовое поведение в приватной сфере смещается в область выбора, что это личное дело каждого – каких обычаев придерживаться. И

даже если эти обычаи не имеют правового содержания и правовых последствий, можно говорить о том, что в массовом сознании архаичная идентичность делает акцент на субъективно переживаемой, преднамеренной архаизации правового поведения. Об этом свидетельствует то, что 78 % россиян настаивают на том, что имеют право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения (Горшков, 2011. С. 238).

Если считать подобную позицию абсолютно одобряемой, то следствием является не только то, что человек отстаивает свободу выбора и исходит из того, что большинство может ошибаться, но и право отстаивать свое мнение интерпретировать социальные нормы, в том числе и правовые, и придерживаться определенного образца правового поведения в приватной сфере. Право распространяется только на права и обязанности человека как гражданина, затрагивает достаточно узкую сферу отношений (налоги, воинская служба). Но, определяя влияние архаизации на правовое поведение, можно говорить о том, что право отстаивать свою позицию достигается путем консенсуса на уровне микрообщности, представления о себе и близких как автономной социальной структуре, регулирующей отношения с обществом в основном как нейтральные.

Полагая, что правовое поведение модально по отношению к государству и может быть встроено в отношения на социальном макроуровне по работе, с коллегами, т. е. быть рациональным, россияне полагают, что абсолютный легизм даже в этой сфере уступает формуле взаимных обязательств (Свобода. Равенство. Братство, 2007. С. 49). Практически для трети россиян важным является не соответствие закону, а тому, что является справедливым (Ментальные программы, 2016. С. 331–358). И здесь проблема заключается в том, что справедливость понимается неоднозначно, включает в себя понимание групповых и индивидуальных смыслов, и если и имеет признаки к консенсусу, то в ссылке на традиции, обычаи, связанные либо с суждением «такова Россия, таковы русские, такова русская история» или с тем, что чувство справедливости выражается в нахождении баланса между регулирующим воздействием государства и свободной личности в оформлении, закреплении за личностью пространства неправовой свободы.

Таким образом, можно констатировать, что архаизация переводится на уровень мотивации правового поведения как восполняющая существенный сегмент защищенности прав человека. Разумеется, при этом что в российском обществе выросло число обращений в суды, важным является то, что только 13,6 % считают, что в стране суще-

ствуется диктатура закона (Свобода. Равенство. Братство, 2007. С. 113). Можно предположить, что российское общество и не желало бы жить при диктатуре закона, поскольку в формуле «закон создается для того, чтобы его не исполнять» заложены легитимация, уклонение, и следует это связывать не с несовершенством системы правопорядка, правотворчества и правоприменения, а с тем, что архаика конкурирует с законом, что для 1/3 россиян, хотя демократия и определяется как верховенство закона для всех, и говорится о сильном государстве, речь идет о недоговоренности, выражаемой в том, что при этом в обществе существует достаточная оппозиция любому наступлению государства не столько на демократические свободы, сколько на то, что называется частной сферой.

В соответствии с логикой архаики предпочтение отдается праву свобод, связанных с частной жизнью, а правовые стандарты политического и гражданского участия не считаются приоритетными. Последнее свидетельствует о том, что в российском обществе архаичная идентичность как идентичность опоры на обычаи или иные коллективные формы приводит к тому, что происходит легализация правомерного поведения не в одиночку, а принимается во внимание то, что в той или иной степени люди руководствуются чувством справедливости, обычая и не стремятся к тому, чтобы их жизнь зависела от правовых принципов. Для них обычай не носит характер определяющего, идентифицирующего принципа, но имеет значение как процедура осознания близости: земляческой, религиозной, идейной.

Мнение о том, что здесь речь идет о коллективистских ценностях, которые стали чуть ли не банальностью (Куда идет Россия ... , 2002. С. 124), к архаичной идентичности не имеет прямого отношения. Идентификационная стратегия, направленная на то, чтобы представить себя носителем обычая, согласуется с тем, что архаичность не может быть представлена на уровне коллективного сознания. Конструируемые идентичности, обращенные особенно в прошлое, представляют попытку утвердиться в настоящем. Перемена вектора на современную идентичность не исчезает, а сам вектор сосуществует с архаичной идентичностью. И это объясняется тем, что общественное сознание антиномично, разновекторно, противоречиво (Тощенко, 2015. С. 17).

Влияние архаичной идентичности на правовое поведение

Изменение социальных идентичностей в России нельзя объяснить только эффектом диффузной идентичности (Социальные трансформации в России ..., 2005. С. 340). При любых реакциях российских

граждан на обострение социально-экономической ситуации формируется поле здравого смысла, поле распознавания с теми, кого можно назвать своим. Так как господствующие идентификационные матрицы запутанны, не ясны по идейно-правовым основаниям, идентификационные смыслы обретаются в узнаваемом. Поведение может, таким образом, коррелироваться в соответствии с логикой социального самораспознавания. Новые образцы и идеи большинством не воспринимаются как устоявшиеся, могут внести осложнение во взаимодействия с другими, и в то же время архаизация правового поведения в российском обществе является мягкой, ситуативной, обусловленной тем, что не содержит жестко зафиксированные поведенческие коды и смыслы.

Место той или иной идентичности в общей структуре социального самоопределения может меняться под влиянием изменений социальных условий (Социальные трансформации в России ..., 2005. С. 347). Соглашаясь с этим утверждением, следует внести уточняющий момент, связанный с тем, что дело не столько в изменении общей ситуации, сколько в том, в какой степени изменяются социальное пространство, конструируемые общности. Архаичность не содержит процедур фильтров, так как представляет процедуру конструирования, приписывания смыслов, где определяющая роль принадлежит самому индивиду. С архаизацией правового поведения не связывается делегирование интересов, и идентификационные стратегии в условиях невозможности воспроизводства универсального механизма вертикальной мобильности становятся социально-групповыми идентичностями. Здесь можно согласиться с тем, что в контексте архаизации при дефиците, слабом воздействии вертикального социального контроля архаичные идентичности являются субститутами социально-групповых идентичностей, хотя в этом смысле все больше проявляется конкуренция профессиональных идентичностей.

Особое значение в формировании архаизации правового поведения имеет чувство правовой незащищенности. Причем, как отмечает О.А. Митрошенков, незащищенными чувствуют себя не только многие из числа лиц старше 60 лет (57 %), но и люди вполне трудоспособного, активного возраста от 40 до 49 лет (53,7 %) и от 30 до 39 лет (46,7 %). Да и тот факт, что к этой же категории принадлежат 40 % молодых людей от 18 до 29 лет также не вызывает у автора особого оптимизма (Митрошенков, 2004. С. 117). Можно согласиться с позицией автора, что дискриминационные практики в российском обществе, хотя резко сузилось количество санкционированных государством форм практик, оказывают влияние на правовое поведение.

Так как в России сформировалась иерархия граждан с различным уровнем правового статуса, то дискриминация может вызвать эффект архаизации правового поведения в том смысле, что ориентировать некоторые группы, в частности, не имеющие российского гражданства, на принятие внутригрупповых регуляторов, имеющих и основывающихся на опыте выживания в неблагоприятных условиях. Об этом свидетельствуют фактически находящиеся вне правового поля этнические диаспоры (выходцы из Средней Азии). При этом для них важными являются не государственная идентичность, осознание принадлежности к стране рождения, а архаичная, определяемая родственными, клановыми, земляческими отношениями.

Поэтому архаичные идентичности, не будучи включенными в базовую идентификационную матрицу российского общества, восполняют идентификационное пространство на уровне микроидентичностей, идентичностей социальных групп и слоев. Очевидно, что архаичная идентичность не противостоит современным идентичностям и в качестве альтернативы на социальном макроуровне, но содержит эффект ограничения принадлежности к большому сообществу на социальном микроуровне. Это проявляется в различных практиках, начиная от политического абсентеизма и определяя отношение к правонарушениям в социально-бытовой сфере.

Также широкое распространение получил фактор давления групп социальной архаики на правоохранительные структуры: насильственные и ненасильственные действия связаны с защитой земляков или представителей собственного клана. В этом смысле архаичные идентичности демонстрируют определенную актуализацию, особенно что касается отношений и с Российским государством, и с его гражданами. Говорить о том, что архаичная идентичность является мобилизационной, не приходится, однако нельзя утверждать, что архаичная идентичность обеспечивает повседневное, неидеологическое, немобилизационное существование обычных людей (Гудков, 2004. С. 133).

Возражая автору по этому поводу, можно сказать, что отнесение к архаичной идентичности областей семейных и локальных связей, этничности и солидарности, религиозного поведения и неформальных отношений, материальных интересов и побочных занятий содержит, конечно, противодействия и противоречия институциональному уровню регуляции и идентификации и создает структуру двоемыслия (Гудков, 2004. С. 133). Вместе с тем архаичная идентичность в резко открытой противоречиям форме с государственно-гражданской идентичностью, опирающейся на правовое регулирование, в ее направлен-

ности определяется возможностью ухода от конфликта, отказа от неправовых форм под вынуждающим влиянием права.

Это не означает, что архаичная идентичность конструирует бесильные, мягкие формы неправомерного поведения. Ориентация на архаическую идентичность может принимать социально агрессивный характер, выражаться в том, что носители архаичной идентичности вступают в конфликт с правом и законностью в том, что условно признают государство, определяют границы в лояльности в том, насколько им дозволено руководствоваться принципами социальной архаики. Социальная категоризация через архаичную идентичность включает ссылку на внутригрупповой клиентелизм, на поддержку со стороны близких и родственников. Характерно, что в ощущении себя частью своей группы носители архаичной идентичности используют идеологему древности, то, что справедливым является общество, основанное на национальных обычаях. Рассматривая ориентацию на архаичную идентичность как социально полезную связь, следует учитывать, что ее актуализация зависит от того, насколько она воспринимается как составляющая жизненного успеха.

Заключение

Таким образом, в архаичной идентичности выделяется два момента: негативный, связанный с ощущением дискриминации по этническим, религиозным или территориальным признакам, и позитивный, определяющий возможность актуализации этнической идентичности как инструмента социальной конкурентности, составляющей жизненного успеха. Для носителей архаичной идентичности безусловно значима социальная конъюнктура, хотя мотивация объясняется приверженностью к определенным культурно-символическим кодам (этнический, религиозный, локальный).

Социологические исследования показывают, что принятие архаичной идентичности как символического самоопределения человека, как ощущения более сильной связи с представителями собственной группы, чем с коллективными социальными макрообщностями, свидетельствует о том, что влияние архаичной идентичности заключается прежде всего в том, что вводится принцип необязательного соблюдения правовых норм, сужается значение правового императива в том, что индивид конструирует субъективную связь через понижение уровня гражданских прав. В целом можно констатировать, что для носителей архаичной идентичности значимо ощущение себя в качестве носи-

теля партикулярных ценностей (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013. С. 57).

Солидаризация по этническому локальному принципу считается шлейфом прошлого (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013. С. 56), но, вероятно, в силу слабости правовой поддержки российской идентичности и влияния чувства исторической памяти, в которой общероссийская идентичность не преуспела, архаичная идентичность создает общеидентификационное пространство, и позиция носителей архаичной идентичности заключается в том, что они должны быть услышаны на российском пространстве, если речь идет о политических амбициях и требованиях ограничить действия российских законов в том, что носители архаичной идентичности считают сферой приватной жизни, собственной свободы, неприкосновенности личных прав и свобод.

Различия в субъективном переживании права на общегражданском (общероссийском) уровне и в рамках архаичной дискурсивности проявляются в том, что, основываясь на принципе общего равенства прав, права трактуются, с одной стороны, как соотношение прав гражданина, а с другой – как возможность существования солидарных установок и ценностей, противоречащих правовым нормам. Хотя и демонстрируется декларируемость борьбы с нарушениями прав, это требование относится прежде всего к правам своих и может санкционировать правовую исключительность по отношению к другим.

Литература

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011. 672 с.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М. : Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.

Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 251 с.

Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002.

References

Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow (2013). Hand. of the project L.M. Drobizheva (Ed.). Moscow: Russian political encyclopedia.

Gorshkov, M.K. (2011). Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). Moscow: New chronograph.

Gudkov, L. (2004). Negative identity. Moscow: New literary review, VCIOM-A.

Constructing an All-Russian Identity in the Context of Interethnic and Inter-Religious Interaction (2016): Monograph / Ed. ed. Volkov Yu.G. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation (in Russian).

Where goes Russia? Formal institutions and actual practices (2002). Moscow

Mental programs and models of social be-

Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: Монография / Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 366 с.

Митрошенков О.А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку // Социологические исследования. 2004. № 5.

Свобода. Равенство. Братство. М., 2007.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ : учеб. пособие. М. : МПСИ, 2005. 584 с.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

havior in Russian society (2016): Monograph / Ed. ed. A.V. Lubsky. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation (in Russian).

Mitroshenkov, O. (2004). Attitude of the population and civil servants to the existing law and order. *Sociological research*, 5. (in Russian).

Freedom. Equality. Brotherhood (2007). Moscow.

Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis (2005). Textbook. Moscow: MPSI.

Toschenko, Zh.T. (2015). Phantoms of Russian society. Moscow: Center for social forecasting and marketing.

Поступила в редакцию

10 декабря 2018 г.